

тив вассала-короля до тех пор, пока не подвергалась сомнению сама вассальная зависимость.

Этот договор на долгие годы урегулировал отношения Португалии с соседними землями. Правда, наследники Альфонсо VII, Санчо и Фернандо, заключив договор в Саагуне о разделе королевства, среди своих земель числили и Португалию без упоминания ее самостоятельности. В 60-е годы XII в. вновь возникли споры на галисийской границе, а в 1169 г., осаждая мавританскую крепость Бадахос, Афонсу при изменившем военном счастье оказался на два месяца пленником Фернандо Леонского, пришедшего на помощь маврам. Основные же усилия Португалии с 40-х годов XII столетия были направлены на Реконкисту.

И Реконкиста и защита от притязаний Кастилии требовали того, что сейчас мы бы назвали экономической самостоятельностью страны. Стремясь обеспечить процветание городов, Афонсу жалуется фюралы Лиссабону, Сантарену, Визеу и другим поселениям. Уже при Терезе существовал ежегодный торг в Орензе, около 1125 г. упоминается ярмарка в Понте-де-Лима. К этому же времени относится появление и других многодневных ярмарок. В Коимбре, Гимарайнше, Сантарене, Лиссабоне и других городах процветали городские рынки. С середины столетия документы говорят не только о горожанах, но и о ремесленниках¹¹.

Как ни сложно нам ныне сквозь толщу веков проникнуть в тайные замыслы властителей, несомненно одно: в своем стремлении расширить границы страны и укрепить ее португальские графы и короли хотели видеть своих подданных-горожан богатыми и деятельными и всемерно поддерживали их. Но просторы Португалии требовали и крестьянских рук — ведь продолжалось освоение старых и заселение новых земель. Нужда в рабочей силе стала причиной того, что в многочисленных королевских грамотах и фюралах были записаны твердо установленные — «отныне и вовек» — повинности крестьян. Иногда король этими же грамотами уничтожал личную зависимость земледельцев, а на новых землях, где жизнь была особенно трудна и опасна, о ней и говорить не приходилось. К концу XII — началу XIII в. в Португалии исчезла личная зависимость крестьян и прикрепление их к земле — столь привычный для нас элемент средневековой истории. Возможно, действуя чаще всего бессознательно или осмысляя свои деяния в понятиях «блага подданных» и «блага государства», португальские короли таким образом ковали не только благополучие страны, но и силу своей власти.